

Закончив с душем, Син Вэньфэй побрился, привел в порядок волосы и только тогда, облачившись в свободную домашнюю одежду, отправился в столовую. Почти всем его гардеробом занимались мать, госпожа Ван, и ассистентка Сяо Юй. Эту девушку тоже пристроила она, и поначалу Вэньфэй был крайне недоволен ее присутствием. Хотя Сяо Юй и сделала его жизнь намного комфортнее, он не без оснований подозревал, что она докладывает матери о каждом его шаге. Это его бесило. Лишь после нескольких серьезных разговоров, убедившись, что помощница умеет хранить секреты, он позволил ей стать к себе ближе.

В столовой Цинь Су уже сидел за столом, неспешно прихлебывая рисовую кашу и куриный бульон. Син Вэньфэй понятия не имел, как жена Чжоу Сюня готовит это блюдо — обычный на вид суп обладал таким насыщенным и при этом легким ароматом, что от него невозможно было оторваться.

У Цинь Су была привычка: во время еды он обязательно листал что-нибудь в телефоне. На работе времени на гаджеты не оставалось, так что он наверстывал упущенное за обедом.

Запивая кашу бульоном, он ввел в поисковик имя «У Гуаньчжун», о котором раньше упоминал Син Вэньфэй. Телефон тут же выдал подсказки. Посмотрев на результаты, Цинь Су понял, что речь идет о действительно великом мастере. Он зашел в «Байду» и, читая о художнике-новаторе мирового масштаба, почувствовал укол стыда за свою ограниченность.

Проверив информацию, он перешел в ленту друзей. Там в основном мелькали коллеги и эксперты из его области. Большинство из них не имели привычки выставлять жизнь напоказ; сам Цинь Су тоже писал что-то от силы раз или два в месяц. Но находились и те, кто постил по три-четыре сообщения в день: от обедов и ужинов до забавных случаев со студентами.

Например: «Наконец-то поехала на университетском автобусе. Стоило сесть, как студент рядом заснул у меня на плече. Стоит ли его будить?»

Цинь Су невольно поморщился: «И охота же людям...»

Ниже пошли комментарии знакомых преподавателей:

«Парень или девушка? Если парень — буди, если девушка — пусть спит».

Цинь Су вздохнул: «Совсем о репутации не думают».

«Девушка, но не красавица».

«Тогда буди».

«Может, она заболела?»

«Так разбуди и спроси, а то вдруг и правда плохо».

...

Цинь Су с кислым выражением лица пролистал ленту дальше. Он как раз читал какой-то анекдот, когда подошедший Син Вэньфэй накрыл его телефон ладонью и уселся рядом.

— Чего ты в телефон уткнулся за едой?

Цинь Су поднял на него взгляд:

— Просто ленту смотрю.

Вэньфэй потянул телефон к себе, намереваясь заглянуть в экран, но Цинь Су мгновенно перехватил аппарат.

— Нечего лезть в мои сообщения.

Син Вэньфэй замер, и в его взгляде вспыхнул азарт.

— Там есть что-то, чего мне видеть не положено?

— Тебя это не касается, — Цинь Су заблокировал экран.

Вэньфэй протянул ему свой мобильный:

— Давай так: я даю тебе свой, а ты мне — свой. Честный обмен.

— Да не нужен мне твой телефон, — нахмурился профессор.

— Это еще почему? — Вэньфэй зацепился за эти слова.

— А зачем мне его смотреть?

— Ну, например, чтобы убедиться, что у меня нет любовницы на стороне.

Цинь Су на мгновение опешил, смерил его коротким взглядом и вернулся к бульону.

— Детский сад. Если у тебя заведется кто-то на стороне, просто не приходи ко мне больше. У

меня нет времени следить за твоими похождениями.

Син Вэньфэя кольнуло это равнодушие. Ему показалось, что Цинь Су слишком уж холоден в таких вопросах. Но, поразмыслив, он признал, что ведет себя и впрямь по-мальчишески. Уставившись в тарелку профессора, он сменил тему:

— Я тоже хочу попробовать этот суп.

Цинь Су признавал, что бульон удался, но из-за плохого самочувствия даже деликатесы не приносили ему радости. Еда была лишь способом поддержать силы. Он пододвинул чашку к Вэньфэю и, заметив домработницу на кухне, предложил:

— Домработница наготовила много всего. Если хочешь обедать, пусть она накроет тебе.

Вэньфэй зачерпнул ложку супа. Вкус оказался таким же великолепным, как и запах. Проглотив еще одну порцию, он признался:

— Знаешь, я спать хочу больше, чем есть. Вчера у тебя так и не сомкнул глаз, только забылся на пару часов. Твой диван — это просто пытка.

— Я же говорил тебе ехать домой, — отозвался Цинь Су.

Вэньфэй соорудил преувеличенно обиженную мину:

— Видя, как тебе плохо, я бы и дома не уснул. Неужели мне уже нельзя просто побыть рядом с тобой?

С этими словами он зачерпнул ложку бульона и поднес ее к губам Цинь Су.

Тот терпеть не мог подобные нежности. Видя в университетской столовой, как студенты кормят друг друга с ложечки, он всегда испытывал неловкость. Цинь Су тут же отвернулся. Но, почувствовав, что, возможно, был слишком резким, снова посмотрел на Вэньфэя.

— Я сам могу. Не надо меня кормить, это выглядит странно. Я не маленький ребенок.

Вэньфэй и не подумал отдавать ложку. Он сам допил суп, а затем потянулся, чтобы поцеловать Цинь Су. Профессор прекрасно знал, что у того на уме, и между тем, чтобы отвесить наглецу пощечину и просто уклониться, выбрал второе. Он встал и хмуро посмотрел на Вэньфэя.

— Хватит паясничать, а то я сейчас же уеду. Тебе самому не надоело постоянно делать то, что мне неприятно?

Вэньфэй проглотил суп, бросил ложку в чашку и посмотрел снизу вверх на недовольного любовника. Цинь Су стоял с каменным лицом, не собираясь уступить. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Вэньфэй покосился в сторону кухни.

— Раньше я тебя уже кормил, и ничего. Тебе правда так важно, что подумают другие?

Цинь Су понимал: Вэньфэй прекрасно знает, что именно его задевает, и делает это намеренно. От этого раздражение перерастало в настоящую злость. Он мог бы просто развернуться и уйти, но почему-то остался стоять на месте, глядя на Вэньфэя сверху вниз.

Син Вэньфэй тоже начал терять терпение. Он ведь с детства был «баловнем судьбы», и хотя родители до сих пор держали его в ежовых рукавицах, это было совсем иное чувство. Если бы на месте Цинь Су был кто-то другой, Вэньфэй давно бы сорвался.

Он прищурился и произнес:

— Бульон отличный. Допивай, я больше не притронусь и заставлять тебя ни к чему не буду. Идет?

— Я больше не хочу, — отрезал Цинь Су.

Вэньфэй промолчал, но когда Цинь Су собрался уйти, крепко перехватил его за руку. Профессор попытался вырваться, но Вэньфэй держал мертво. Около полуминуты они вели немую борьбу.

— Прекрати ребячество! — не выдержал Цинь Су. — Отпусти!

— Кто из нас тут еще ребячится? Не отпущу!

— Ты... Ты смеешь называть меня ребенком?! — вспыхнул Цинь Су.

Син Вэньфэй поднялся, его лицо стало серьезным.

— Именно. Ты ведешь себя как ребенок. На людях я всегда считаюсь с твоим желанием спрятаться и затаиться. Разве я хоть раз выдал наши отношения? Разве я не уважаю твои границы?

Цинь Су нахмурился, не находя слов.

— Но сейчас мы дома, — продолжал Вэньфэй. — Если я даже дома не могу позволить себе капельку нежности со своим парнем, то на что ты вообще рассчитываешь?

Цинь Су попытался разжать его пальцы на своем запястье.

— Ты думаешь, проблема в этом? В том, что ты называешь «нежностью»? Да ты просто прощупываешь почву, проверяешь, как далеко сможешь зайти! Что дальше? Начнешь целовать меня взапрос прямо при домработнице, делая вид, что ее не существует?

Цинь Су был человеком чутким, и попытки Вэньфэй устроить нечто вроде «дрессировки» мгновенно вызывали в нем протест.

Вэньфэй тоже разошелся. Он рывком усадил Цинь Су обратно на стул и, нависнув над ним, заглянул прямо в глаза:

— А если и так? Вот возьму и поцелую тебя прямо сейчас. Что ты сделаешь? Да, я проверяю твои границы. И что?

Лицо Цинь Су залило краской. Он открывал и закрывал рот, не в силах подобрать слова. Он привык считать, что Вэньфэй хоть и нахал, но знает меру. Оказалось, этот человек может быть абсолютно бесстыдным.

Когда Вэньфэй приблизился почти вплотную, Цинь Су быстро выставил ладонь, преграждая ему путь:

— Хватит!

Вэньфэй мягко взял его за подбородок.

— Я не дурачусь. Просто не понимаю, почему ты и дома ведешь себя так скованно. Ты видел Чжоу Сюня? Он совершенно не стесняется своего партнера. Почему ты не можешь позволить себе хоть немного близости в четырех стенах?

— Меня бесит, что ты вечно пытаешься прогнуть меня под себя! — вскинулся Цинь Су. — Ты опять уводишь разговор в сторону.

Вэньфэй кивнул, соглашаясь.

— Да, признаю. Я прощупываю почву. Я наступаю. И что с того? Ты не делаешь ни шага навстречу и мне не даешь. Раз уж мы заговорили по существу... может, дело в том, что тебе самому не хочется об этом говорить?

Цинь Су замолчал. Он понимал, что в красноречии ему с Вэньфэем не тягаться, а в бесстыдстве — и подавно. Победить в этом споре было невозможно. Но проблема была даже не в победе. Ему было невыносимо трудно ломать свой «панцирь», в котором он прожил тридцать

с лишним лет. Это было больно, а Вэньфэй лишь продолжал давить, совершенно не заботясь о том, каково ему сейчас.

Цинь Су перешел к пассивной обороне — просто замолчал.

Син Вэньфэй, привыкший управлять людьми и знавший, когда нужно сменить гнев на милость, почувствовал, что перегнул палку. Посмотрев на расстроенное, почти несчастное лицо Цинь Су, он заметил, как его собственный азарт остывает. Пылкая жажда победы сменилась внезапным спокойствием.

Он присел на соседний стул, склонил голову набок и принялся разглядывать Цинь Су. Тишину прерывало лишь его мягкое прикосновение — он осторожно провел пальцем по подбородку профессора.

— Ладно, — тихо сказал он. — Больше не буду. Твой комфорт для меня важнее собственного эго. Я хочу быть ближе, но только если ты будешь при этом счастлив. Признаю, я погорячился. Простишь меня, а? Сусу?

Цинь Су отвернулся, не желая слушать. Вэньфэй тут же заглянул ему в лицо с другой стороны:

— Ну, Цинь Су... что мне сделать, чтобы ты сменил гнев на милость? Улыбнись хоть разок?

Цинь Су изнывал от его настырности. Он изо всех сил старался сохранить суровый вид, но против воли улыбнулся. Видя, что лед тронулся, Вэньфэй улыбнулся:

— Ну посмотри на меня. Правда же я красавчик?

Цинь Су взглянул на него. Вэньфэй чисто выбрился, и его открытое, ясное лицо сейчас светилось такой обезоруживающей, почти мальчишеской радостью, что напоминало яркое апрельское солнце.

Профессор обреченно вздохнул. Он понимал, что окончательно попал в эти сети. Вэньфэй изучил его характер досконально и на любую реакцию знал, за какую ниточку дернуть.

Пока Цинь Су молчал, Вэньфэй продолжал свой импровизированный спектакль самолюбования. Он взял руку профессора, прижал к своей щеке, а затем переместил к губам. Он целовал кончики пальцев, медленно переходя к самой ладони. Цинь Су стало щекотно, он попытался отнять руку, но Вэньфэй удержал ее, преданно глядя на него.

— Сусу... скажи, я тебе хоть немножко нравлюсь?

Цинь Су покраснел до корней волос. Он не знал, что ответить. Син Вэньфэй был форменным

искусителем.

— Ну так что? Любишь меня?

Цинь Су чувствовал, что его лицо пылает. Чтобы хоть как-то уйти от ответа, он пробормотал:

— Ты же спать хотел? Поешь и иди уже.

— Ага, — усмехнулся Вэньфэй. — Вот теперь ты уводишь разговор в сторону.

— Люблю я тебя... — выдохнул Цинь Су.

Вэньфэй просиял. Он рванулся вперед, обхватил его и накрыл его губы своими. У Цинь Су словно земля ушла из-под ног, сопротивляться не было ни сил, ни желания. В конце концов он просто обнял Вэньфэя за плечи и прильнул к нему всем телом.

Поцелуи длились бесконечно. Вэньфэй не отпускал его минут десять, и в его голове уже не было мыслей об обеде — он хотел только одного: затащить Цинь Су в постель.

Видя, что это не прекратится, Цинь Су с трудом отстранился. Сладость момента еще кружила голову, но в глубине души снова шевельнулась тревога:

— Ты совсем не боишься заразиться?

— От поцелуев это невозможно, — отмахнулся Вэньфэй.

Цинь Су вздохнул.

— У меня голова кружится. Пойду прилягу.

Вэньфэй заметил, что тот и впрямь выглядит изможденным, и перестал паясничать.

— Может, съешь еще хоть немного перед сном?

— Не лезет, — покачал головой Цинь Су.

Вэньфэй с сожалением посмотрел на почти нетронутый обед. Он укорял себя за то, что затеял этот спор и испортил профессору аппетит.

Цинь Су направился в спальню. Вэньфэй поспешил следом, чтобы помочь ему сменить одежду, и невольно подумал:

«А ведь я и правда иногда веду себя как ребенок».

<http://bllate.org/book/17514/1659962>